

Введение

Исторический контекст как проблема и опыт реконструкции

Теория, основной принцип которой заключен в словах Ф. Анкерсмита о «непосредственном историческом опыте»¹, определяет собой драматургию современного состояния гуманитарной науки, ищущей выход из кризиса объективизма. Если прибавить к словам Анкерсмита слова Гумбрехта о «производстве присутствия», то окажется, что гуманитарий может и даже должен доверять себе, личным впечатлениям и чувствам, уходя от предпосылочного знания, всяких готовых интерпретационных схем, чтобы обнаружить связь времен путем своеобразного «вживания» в исторический контекст. Утверждается мысль, что при всей инаковости, чуждости «прошлого» сам этот очищенный контакт (похожий на медитацию) возможен. В конце концов с этим можно было бы и согласиться, но как доказать, что беспредпосылочное «вживание» гарантирует адекватное понимание исторического контекста. И как это проверить?

Анкерсмит подчеркивал: «...переживание прошлого является переживанием не там, где оно точь-в-точь соответствует воспоминаниям, ожиданиям и практическим убеждениям историка, но именно там, где оно бросает вызов всем нашим интуициям о мире. Только здесь мы можем встретиться с прошлым как таковым в его бескомпромиссной и радикальной чуждости, то есть в его “возвышенности”... Только здесь мы действительно открываем прошлое и текст, который бросает вызов всем нашим категориям, делающим мир осмысленным. И это может превратить прошлое в чуждый и волшебный мир, каким оно в сущности и является...»² Анкерсмит отмечал, что гуманитарий, вовлекаясь в возвышенный мир прошлого, открывает для себя чуждый мир, чуждую информационную среду через вхождение во внутренний мир чужой ему метафизики («возвышенности») и таким образом – уже оказавшись в ней как бы соучастником и непосредственным наблюдателем – он постигает логику исторического контекста.

Гумбрехт с неменьшей радикальностью, чем Анкерсмит, говорил о необходимости выхода за пределы, очерченные жизненным

© Юрганов А.Л., 2024

¹ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 140.

² Там же. С. 109.

миром познающего. Он настаивал на том, что опыт трансцендирования не только возможен, но изначально присущ человеку³.

Анкерсмит и Гумбрехт – противники герменевтики, потому что ее теоретическим эпицентром является интерпретация, позволявшая исследователю оставаться самим собой в контактах с прошлым, что неизбежно влечет за собой модернизацию исторического контекста.

Анкерсмит отмечал: «...герменевтика, семантика, семиотика и т. д. ненамеренно пытаются не столько показать нам путь к значению текста, сколько разъяснить, почему мы всегда и неизбежно обречены упускать это значение»⁴. Но идеальная модель Анкерсмита становится сложнейшей проблемой, ибо адекватность наблюдателя, отказавшегося от обыденных установок своего жизненного мира, практически выходит за пределы всякой верификации. Такая модель отрицает прежнюю – в самом деле устаревшую модель «диалога» в духе исторической антропологии – но не дает оснований для того, чтобы судить о качестве диалога «непосредственного наблюдателя». Не желая познавать прошлое при помощи метаязыка интерпретационной науки, Анкерсмит предлагает вживание в «возвышенный опыт» нетекстовой реальности, например, при анализе венецианского пейзажа Гварди. Но как бы он ни пересказывал свои впечатления от контакта с этим произведением искусства, Анкерсмит вынужден обращаться к историческим текстам эпохи, чтобы верифицировать собственные впечатления.

Как заметил в свое время М.Л. Гаспаров, в познавательном процессе разграничиваются две процедуры: одна апеллирует к убедительности (это искусство), а другая апеллирует к доказательности (это наука)⁵. Убедительность порождает само-суггестию, доказательность требует аргументов.

На мой взгляд, одна из причин двойственности концепции Анкерсмита заключается в том, что он не обсуждает теоретически – что есть исторический контекст. Современная научная литература тоже равнодушна к этой проблеме. А между тем все, что принимается по умолчанию – принимается на веру...

Сложность понятия «исторический контекст» состоит в том, что обсуждать его природу можно только тогда, когда правильно

³ Гумбрехт Х. Производство присутствия: чего не может передать значение. М., 2006.

⁴ Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 138.

⁵ Гаспаров М.Л. Научность и художественность в творчестве Тынянова // Достоверность и доказательность в исследованиях по истории и теории культуры. М., 2002. С. 290.

выбрана система координат и взаимосвязь с другими понятиями, маркирующими собой картину того, что мы по привычке называем «прошлым». Нередко понятием «контекст» определяют максимальные границы изучаемого времени. Как будто контекст «один на всех»...

История – это самосознание людей во времени. Такое определение максимально удаляет гуманитарную науку от объективистской парадигмы, в которой первичен процесс сам по себе, потому что принимается как аксиома, что «сознание» вторично по отношению к «бытию». В необъективистском модусе, который, я думаю, определяет собой новейшее состояние гуманитарных и философских наук, бытие и есть сознание, и все, что было в прошлом, происходило прежде всего в сознании людей. Сталкиваются не только разные формы сознания, сталкиваются разные жизненные миры, разные установки осмысленной повседневности. Нередко понятие «исторический контекст» приобретает в научном объяснении такую устойчивость, как если бы речь шла о неподвижном предмете. Любой исторический контекст есть реальность осмысленной повседневности, которая на периферии жизненного мира постоянно видоизменяется. Но движение (как самоизменение) только тогда будет замечено, когда имеется константа, или «точка неподвижности». Попадая в любой исторический контекст, мы видим в нем не частное мнение кого бы то ни было, а *общепринятое мировосприятие (мнение)*, которое допускает внутри себя множество разных объяснений, вплоть до противоположных, и это нисколько не отрицает общий и обязательный «центр неподвижности». В эпоху Смуты общепринятым было мнение, что для утверждения законности власти необходимы основания, свидетельствующие о близости к угасшему роду Калитичей. Ибо само государство было наследственной монархией с наследственной корпорацией служилых людей. Вокруг этого смыслового эпицентра кружилось много разных и порой противоположных объяснений, которые исключали друг друга во всем, кроме того аргумента, о котором сказано выше.

Таким образом «исторический контекст» – это континуум, содержащий множество конвенциональных моделей, типичных объяснений того, что происходит «здесь-и-сейчас», но в рамках генерального тезиса – установки видеть причинно-следственную связь такой именно, а не другой.

Понятие «исторический контекст» не является единым и неделимым.

В исследовательском опыте существенно видеть, что любая контекстуальная данность раскрывается как явление само собой разумеющегося. В этом и заключен основной парадокс прошлого –

в необъективистском модусе труднее всего понять чужую очевидность, не требующую от себя манифестаций и доказательств. Исследователю же неочевидна установка генерального тезиса другой исторической эпохи – и попасть в нее путем «вживания» не получится, потому что для этого требуется опыт реконструкции. Требуются аналитические процедуры, доказывающие, что выявленные факты самосознания – действительно история, а не картина мира исследователя.

В идеальной модели Анкерсмита «история» создается (в конечном счете) интерпретатором, который воспроизводит свой опыт, будучи уверенным, что адекватная передача чужого смысла невозможна.

Факты самосознания людей во времени даны нам прежде всего в словах – в сферах понятий. Не зная словесных аберраций значений слов, постоянно меняющихся, вживание не состоится еще и потому, что «вживаться» надо не в свои эмоции от увиденного, а в сложные процессы словесных изменений сознания человека – что тоже требует аналитических процедур, а не личных впечатлений.

Понятие «повседневность» используется чаще всего как некая единая, неделимая категория. Между тем нет никакой одной и неделимой повседневности, которая покрывала бы собой «жизнь людей». Мы имеем дело с модусами повседневности⁶, которые выражают собой огромное разнообразие жизненного мира, не лишнего своего культурно-исторического единства.

«Контекст» осуществляется во множестве конвенциональных моделей; «повседневность» – это разнообразные модусы осмысленной ежедневности. Словом, любая абстракция, превращенная в историческую реальность, лишает нас возможности понять человеческое самосознание во времени.

Идея «вживания» выглядит абстрактной категорией, которая игнорирует всю сложность аналитической работы исследователя.

Настоящий выпуск «Вестника РГГУ» показывает, какое значение современная гуманитарная наука придает аналитическим процедурам, чтобы прорваться к человеку в его исторической обусловленности, в его осмысленной повседневности.

В центре внимания статьи А.Е. Беликова («Культурология Вергилия и разногласия в эпическом контексте: к интерпре-

⁶ Юрганов А.Л. Жизненный мир и модусы повседневности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 1–14; *Он же*. Логика допущения в модусах повседневности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 12–16.

тации Аеп. 12.837») – сложнейшая коммуникативная ситуация. Анализ семантики слов *fidus*, *discors*, *os (oris)*, управления глаголов *signare*, *facere*, реалий описываемых событий в Трое (2.420-423) и в древней Италии (12.821-840) позволяет автору высказать критику тех комментариев и переводов, которые предполагают в указанных отрывках отсылки к другим языкам. Опыт реконструкции приводит автора к мнению, что существовала «эпическая условность», в рамках которой боги и герои говорят на том же языке, на каком говорит автор с читателем.

В теоретической статье Клаудио Ингерфлома «Феномен самозванчества: трансцендентная легитимность власти в политическом модерне» рассматривается своеобразное «выживание» самозванчества в других контекстах, когда само историческое событие уже пережито и даже забыто. Ученый называет эту ситуацию «отложением» в культуре, которая способна воспроизвести в своем настоящем этот угасший, но не исчезнувший феномен. Это наблюдение еще больше усложняет наше понимание исторического контекста, который очевидным образом не состоит только из современных переживаний и смыслов. Автор приходит к выводу, что самозванчество открывает сущностную характеристику русской правовой традиции, в которой не было формальных правовых оснований. Как в истории самодержавия залегает мистическая идея власти, так и самозванчество держится на постулатах обыденного сознания, которое регулируется теми или иными религиозными установками. Здесь мы видим, что константа – обычное право как традиция – управляет контекстуальной природой самодержавия и самозванчества, явлений одного порядка на протяжении веков, включая и советский период.

Статья И.В. Курукина «Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин: судьба вельможи “эпохи дворцовых переворотов” (культурологический аспект)» рассматривает жизненный путь одного из «птенцов» Петра Великого – графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина. Речь не идет о событийной истории, в которой он занимал свое место. Исследователь сосредоточился на культурологическом аспекте – на том, как жил и действовал в своих обстоятельствах человек «второго плана». И оказывается, что аристократическое происхождение Мусина-Пушкина нисколько не помешало ему легко вписаться в петровское общество, получить заграничное образование, попробовать себя на дипломатическом поприще, в должности губернатора. Ничто не помешало Мусину-Пушкину, не замеченному в особом карьеризме, оказаться и под следствием во времена Анны Иоанновны, получить смертный приговор, замененный на ссылку в Соловецкий монастырь. Люди «второго плана»

помогают понять, насколько нестабильным и непредсказуемым был век «дворцовых переворотов». Один из главных источников о судьбе человека в России – это судебные материалы, опыт их изучения требует наведения оптики исследователя таким образом, чтобы увидеть в допросах не испуганного своей участью человека, а присущие ему взгляды на жизнь.

В статье О.М. Буранка и А.О. Буранка «Первый перевод Сервантеса на русский язык» рассматривается история первого перевода знаменитого испанского автора. О.М. Буранок обнаружил в архиве рукопись Никанора Ивановича Ознобишина «Корнелия» (1761), это оказался первый из известных переводов Мигеля де Сервантеса на русский язык. Ознобишин переводил «Корнелию» не с испанского, а с французского перевода – что было типично для XVIII в. Исследователи раскрывают различные аспекты того, как читатели воспринимали испанского автора, каким было их отношение к простодушному рассказу о судьбе героев, о любви и преданности, о великодушии. Фабулой управляет господин великий «случай» – и это нравилось читателю. Исследователи отмечают, каким сложно устроенным был читательский интерес, совмещавший в себе и прежние, почти древнерусские мотивы, и новые, усвоенные уроками петровских реформ.

В статье О.И. Киянской «Отцы и дети в литературе и повседневной жизни конца XVIII – начала XIX в.» исследуются отношения отцов и детей. В центре внимание – две семьи: декабристов П.И. Пестеля и С.И. Муравьева-Апостола. Анализ документов приводит автора к мысли, что между родителями и детьми существовал серьезный мировоззренческий конфликт. И тут существенно, что Киянская уловила разницу – одно дело жизненный контекст, а другое дело – литературный контекст. В литературе той эпохи господствовала конвенциональная модель, согласно которой между родителями и детьми нет и не может быть конфликта – эти отношения не выходят за пределы традиции. А вот в жизненных ситуациях, которые выражали собой осмысленную повседневность, споры и конфликты оказались на поверхности. Но можно ли уловить в хаосе семейных дразг какую-нибудь единую контекстуальную природу? Да – она просматривается в константе культурной традиции. Это идея патриотизма. Родители рассматривали патриотизм как неперемнную основу службы государству, дети усваивали патриотизм как идею служения Отечеству. Конфликт отцов и детей раскрывает глубинную суть декабристского движения.

В статье О.А. Меерсон «Истина и “истина в контексте” у Достоевского: Полифония против релятивизма: Случай беседы отца с

сыном за коньячком» рассматривается история осмыслений слова «истина» в разных контекстах – и в том числе в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Опыт реконструкции показал, что слово «истина» существует в полифоническом контексте, в котором каждый персонаж романа претендует на свою интерпретацию смысла, восходящего к личности Христа. Достоевский как художник обнажал семантическую девиацию и показывал, что истину пытается присвоить и левый радикализм, и правый триумфализм.

В статье «Дружба и предательство в драматургическом и жизненном контекстах эпохи сталинизма» А.Л. Юрганов рассматривает контекстуальный мир переживаний человека эпохи сталинизма. Как судить о дружбе и предательстве, если вместо метафизического единодушия мы встречаем глубокие разрывы в коммуникациях между историческими эпохами? В качестве примера взяты отношения драматурга А.Н. Афиногенова и писателя Всеволода Иванова в 1937 г., – этот жизненный контекст сопоставляется с пьесой «Страх», в которой возникает подобная нравственная дилемма, но в ней Афиногенов выступает в роли человека, оправдывающего нравственную необходимость предательства дружбы ради верности коллективистской морали.

В статье М.П. Одесского «Советская историческая живопись в идеологических контекстах» рассматривается история картины художников А.Н. Яр-Кравченко и А.Н. Зарубина, на которой была изображена встреча И.В. Сталина с советскими писателями в 1932 г. Чрезвычайно важно, что картину переделывали под новый общественно-политический контекст – при Н.С. Хрущеве авторы заменили Сталина на Горького. История картины позволяет выявить конвенциональные модели в меняющихся идеологических кампаниях советского времени. Автор статьи ставит вопрос о том, что никакого определенного «социалистического канона» не существовало, политика партии утверждала свою власть в непредсказуемости политических поворотов и соответствующих обвинений кого угодно в чем угодно.

Г.В. Зыкова в статье «Стихотворение Всеволода Некрасова “И я про космическое” в контексте 1959 года» рассматривает особенности влияния «космического» ажиотажа 1959 г. на образный строй и тематику произведений советских поэтов «старшего» поколения, творчество которых ценил Всеволод Некрасов. Зыкова высказывает предположение, что одним из осознанных претекстов для стихотворения Некрасова могла быть «Параболическая баллада» Андрея Вознесенского.

П.Е. Спиваковский в статье «Старопечатные книги в метамодернистском контексте романа Т.Н. Толстой “Кысь” (архаические

и авангардные культурные тенденции)» рассматривает роль книг и книжной культуры в романе «Кысь» Татьяны Толстой. Опыт реконструкции приводит Спиваковского к мысли, что этот роман следует отнести к метамодернистским, поскольку в нем сосуществуют и переплетаются, конфликтно взаимодействуя, и модернистские, и постмодернистские, и романтические тенденции. Спиваковский видит в этом романе и влияние феномена «Черного квадрата» Казимира Малевича.

Подводя итог, следует отметить, что наука, осваивая огромные просторы исторических контекстов разными аналитическими процедурами, – что видно по статьям этого выпуска «Вестника РГГУ», – может и должна обратить внимание на теоретические аспекты, объясняющие сложную структуру понятийной сферы исторического контекста как одного из важнейших понятий необъективистской парадигмы познания. Именно взаимодействие культурологов, языковедов и литературоведов может стать трамплином к новому уровню развития гуманитарной сферы.

Андрей Л. Юрганов